

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ  
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

# ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Института этнологии и антропологии РАН

Москва 2001

Н.П. Лобачева

## Из цикла детской обрядности каракалпаков.

### Младенческий период

(по материалам 1950-х годов)

Основу предлагаемой работы составляют материалы автора по теме «Цикл детской обрядности каракалпаков», полученные во время полевых исследований в 1956-1959 гг. в Каракалпакии, проводившихся Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР под руководством Т.А. Жданко. Работа велась в Кегейлинском, Чимбайском, Караузякском, Муйнакском и Кунградском районах ККАССР по административному делению тех лет, населенных представителями разных в прошлом родоплеменных групп. Однако верования и обрядовая практика, связанные с детской темой, в целом всюду одинаковы.

Научной литературы по данной теме мало. Циклу детской обрядности посвящен один из разделов книги Есбергенова Х. и Атамуратова Т. «Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков (Нукус, 1975 г.)». Традиционные представления каракалпаков на детскую тему авторами указанного труда описаны и исследованы не только на основании полевых материалов примерно того же периода, что и наши, но и архивных документов более раннего времени. Естественно, что данные этого труда полнее, чем нам удалось собрать. Однако принципиально они не отличаются.

Мы, не углубляясь в анализ того или иного явления, даем сводку того состояния верований, религиозных представлений, обрядовой практики, связанных с детством, которые жили в 1950-х годах среди каракалпакского населения, которыми руководствовались, пользовались в повседневной жизни, несмотря на причисление себя к истинным мусульманам и несмотря на существование медицинских учреждений и возможную медицинскую помощь даже в отдаленных аулах.

Тема о детях у каракалпаков, как и у всех народов среднеазиатско-казахстанского региона, была животрепещущей. Идеалом явля-

лась многодетная семья, бездетность — несчастьем. Рождаемость была большой, как и детская смертность, но бездетных семей оказывалось также немало. Вину за отсутствие детей в народе обычно переносили на женщину. Поэтому можно сказать, каждая женщина владела набором знаний о том, как вылечиться от бесплодия, чем оно вызывается, кто виноват в смерти детей и самих рожениц. Эти знания в какой-то мере свидетельствуют также о том, что роды в подавляющем большинстве проходили в домашних условиях при соблюдении традиционных приемов.

Отсутствие детей у замужних женщин в народе объяснялось следующими причинами: 1 — влиянием злых духов — *албасты* (*алабаслы*)<sup>1</sup>; *джинов* (*ажине*) и др.; 2 — сглазом; 3 — попаданием в матку воздуха.

Ради исцеления от недуга, как говорили наши информаторы, нерожаящие женщины совершали паломничество к святым местам (*зыярат*). Сначала шли на родовые кладбища и поклонялись там предкам — *арвахам*, потом посещали известные святые места — *аулия*: Кабаклы, Каракум, Термембес, Белтау — в Муйнакском районе, Кошкар-ата — в Караузякском районе и др. О таком способе лечения говорили повсеместно. Подробности посещения святых мест были рассказаны в Муйнакском районе. Женщина, решившая идти на *аулия*, выходя из дома, обращалась к аллаху и вызывала *арвахов*. Подходя к кладбищу, снимала штаны, обрывала пуговицы у одежды, распахивалась и в таком виде шла к шейху. С ним обходила вокруг кладбища, оставалась на кладбище на ночь. Считалось, что все это помогает женщинам. В подтверждение приводились примеры, один из них такой: одна бездетная женщина, взяв с собой *баурсак* (кусочки теста, жареные в кипящем масле), барана и другую пищу, отправилась на святое место. Прodelав все, что полагается в таких случаях, осталась там ночевать. В полночь она увидела сон: будто к ней пришла *пери* (добрый дух), которая дала ей три клубка ниток. Утром женщина рассказала свой сон шейху, который разъяснил ей сон, сказав, что она родит троих детей. И она, действительно, родила троих детей.

Нерожаящие женщины обращались к *порхану* (шаман). Об этом

сообщали также во всех районах Каракалпакии. Шаман устраивал радение — *зикр*, длившийся три-четыре дня. После *зикра* на конце аула зажигали костер и женщины под руководством *порхана* прыгали через него. Делали тряпичные куклы и оставляли их в месте, где прыгали через костер. Как считалось, злые духи из женщин переселялись в этих кукол (Муйнакский район). Иногда просто прыгали через зажженный костер. Другой вариант выглядел так: бездетные женщины обращались к *порханам*, делали из тряпок куклы, выносили их на дорогу и там жгли, затем прыгали через эти костры. В Караузьякском районе сообщили, что *порхан* бил бездетную женщину по спине, выгоняя таким образом *джинов*. Что касается *зикров*, то поводом к ним очень часто бывала женская бездетность. Собиралась группа женщин во главе с *порханом*. Когда это происходило дома, в нем закрывали двери, окна, если на *аулия* — женщины оставались там ночевать, на утро рассказывали *порхану* свои сны, а он их разгадывал. Бездетные женщины обращались и к муллам, которые давали им пить освященную воду.

Было много приемов лечения от бесплодия с использованием материальных предметов. Так, бездетные женщины привязывали к животу сазана (Муйнакский, Чимбайский районы), причем старались привязывать такого, у которого при разрезании покажется кровь (сазан считался легкой пищей, его любили); или сначала сазана варили, толкли, полученную массу, положив в тряпочку, привязывали к животу и держали четыре часа, потом все выбрасывали. В Чимбайском районе сидели над паром при отваривании рыбы.

Нерожающие женщины прибегали также к следующему средству: размалывали просо (пшено), добавляли воды и делали тесто, пекли из него лепешку. Испеченную лепешку, еще теплую, прикладывали к животу. Лежали с ней два-три дня, затем привязывали к животу и ходили так некоторое время. Таков обычай (*ырым*), и назывался он *тангу* (оберег). Манипуляции с просом в Чимбайском районе выглядели так: к животу привязывали отваренное без соли (красное) просо. Лечащую женщину очень тепло одевали и держали так в течение трех-четырех дней. Этот прием назывался *парыз* (фарыз — обязательное для мусульманина требование). Если

эти меры помогали, пшено на животе якобы растворялось, если же не помогало — пшено оставалось целым.

Бездетные женщины ходили вокруг новой, ранее невиданной вещи. Так, несколько каракалпачек ездили в Муйнак, чтобы обойти вокруг самолетов, когда там построили аэродром (Муйнакский район, информатор врач), ходили вокруг цирка — *дарваза*, перепрыгивали через шкуру тигра, мясо которого полезно есть, переезжали через Амударью, устраивая подаяние — *садака*. Бездетных женщин окуривали дымом горящего растения *адрасмана* (рута, испанд): брали рыбы кости, *адрасман*, сжигали все это, затем женщины сидели над дымом. Необходимость окуривания объясняли тем, что некоторые женщины охлаждаются, замерзают, а благодаря окуриванию согреваются и им возвращается способность иметь детей (Кунградский район); также мылись в воде, в которой варился *адрасман* (Чимбайский район). Нерожающие женщины съедали *суннат* (кожицу после обрезания) с куском сала барана или коровы, зарезанных для *суннат-тоя* (Муйнакский район).

В местностях, где встречались очаги особой конструкции (в земле вырыты три очага, сообщающихся ходами), бездетные женщины посещали их, раздевались, оставаясь только в штанах, и пролезали через эти ходы по всем очагам. Считалось, что все болезни останутся в очагах и женщины будут рожать.

Если умирал ишан, нерожающие женщины ходили вокруг похоронных носилок — *табыта* и бросали материю или деньги на него в надежде на избавление от своей болезни (Муйнакский район).

К беременным женщинам у каракалпаков отношение было бережное. При приближении родов, их освобождали от тяжелых работ. После родов они тоже не работали. Во время беременности у женщин бывает такой период, когда они не хотят есть ту или иную пищу. В этот период — *жерик* — женщинам следует достать все, что они просят. Тем не менее, во время беременности нельзя употреблять в пищу мясо быка, козла. В Чимбайском же районе считали, что беременной (*жюкты*) разрешается есть все, даже мясо и рыбу. Однако мясо верблюда есть нельзя. При этом следовал рассказ к случаю: одна женщина поела верблюжатинки и после этого была

беременной в течение 12 месяцев. Когда ребенок родился, то сразу засмеялся, так вырос. Беременной нельзя есть также заячье мясо — у ребенка будет заячья губа.

Во время беременности женщинам нельзя вечером ходить за водой, так как им может повредить *су-пери* (водяная пери), нельзя также выходить ночью одной из дома.

Пол ожидаемого ребенка определяли по форме живота беременной. Если живот широкий и большой — значит родится сын, если маленький — родится девочка (Муйнакский район).

При родах около роженицы бывало ограниченное число людей. Мужчин не пускали; если мужчина зайдет, то присутствующие женщины могут разорвать ему рубашку. Муж все-таки при этом мог находиться, однако молодого мужа обычно не допускали, и женщины старались выгнать его. Говорили, что муж или его брат завязывали на роженице пояс — *бельбау*. По словам районного врача (Муйнакский район), рожениц во время родов опоясывали двумя-тремя слоями материи.

У входа в дом роженицы ставили ружье, около нее клали нож. Во время родов в верхней отверстии юрты — *шангарак* вешивали лук и перец против сглаза. Для облегчения родов в доме отпирали замки, развязывали узлы. Ради благополучного исхода приглашали муллу.

Когда начинались роды, в очаг бросали кусок коровьего масла. Таков обычай — *ырым*. Как говорили, надо, чтобы запах горящего масла достигал роженицы, ей от этого будет легче. Она как бы соревнуется с кипящим маслом. Если масло при горении давало белый свет, то это хороший признак — роды будут благополучные. Все по этому поводу радовались. Если же масло горело темным огнем, то роды ожидалось тяжелые, окружающие опасались за жизнь роженицы. Во время родов и в течение последующих двух дней в доме, где была роженица, не держали воду (выносили из дома, юрты). Тем более, если роды трудные. В Чимбайском районе объяснили, что так поступали на случай, если вдруг она умрет. А когда человек умирает, воду выносят. По мнению других собеседников, это делалось во избежание того, чтобы злой дух — *албасты*

(об этом ниже) не могла сразу опустить в воду вырванные сердце и легкие женщины.

Для облегчения страданий роженицу били одеждой, которую затем отдавали знакомым старикам или младшим родственникам — *бикешам*. Била роженицу какая-нибудь старуха, а роженица обращалась за помощью к покровительнице женщин Биби-Фатме, ишанам, аллаху, *арвахам*.

В народе считалось, что для роженицы очень опасна *албасты*, она может умертвить женщину, поэтому в день родов следовало особо охранять ее. От *албасты* закрывали все ватой. Представления о ней были следующие: *албасты* — это безобразная старуха, ходит она без одежды, распущенные волосы ее всегда всклокочены. У нее такие длинные груди (до колен), что она может перебросить их через плечи. По представлениям жителей Караузьякского района, у нее острые зубы (их всего 2–3, один больше другого). Живет она в горах, питается кровью. Там, где *албасты* бросит гребенку, вырастает непроходимый лес. Она очень сильная. *Албасты* вредит женщинам, мешает охранителям богатырей, крадет девушек (сама может превратиться в девушку), может задушить человека, особенно опасна для рожениц и детей, но боится мужчин. Ее выгоняют из аула. В Муйнакском районе добавили, что у нее под языком всегда лежит монета. Мулла или *порхан*, увидев *албасты*, стараются сразу отобрать у нее эту монету: без монеты она ничего не может сделать, не может вредить людям. Вредит она больше всего роженицам, но может принести вред и тому человеку, который встретится ей по дороге. Она старается проникнуть в дом, где проходят роды, и вырвать у роженицы легкие и сердце. Как только ей это удастся, бежит скорее к воде, чтобы опустить их в нее. Если она успеет это сделать, роженица умрет. Если приглашенные к роженице мулла, ишан или *порхан* успеют прочитать молитву до того, как *албасты* опустит в воду легкие и сердце роженицы, последняя не умрет. Во время молитвы женщина, потерявшая сознание, приходит в себя.

Для рожаящих женщин, как считалось в народе, опасна еще *марту* (*марту*). *Марту* имеет одинаковую внешность с *албасты*. Она, как и *албасты*, страшная старуха, ходит голая, волосы всегда

всклокочены. Был приведен такой пример: к одному шаману пришел предок и сказал, что погибает от родов женщина. *Порхан* выехал из дома на лошади, в направлении, указанном *арвахом*. По дороге повстречал *марту*. Когда увидел ее, обратился к ней с вопросом: «Откуда взяла легкие и сердце? Положи их на место». И *марту* послушалась. После этого женщина осталась жива.

При роженице обязательно присутствовала женщина — *киндык-чече* (*киндик шеше*). Она выбиралась среди хороших, влиятельных женщин аула, не обязательно из родственниц, и приходила в дом еще до родов. Она не являлась аульной повитухой, так сказать, профессионалкой; в качестве *киндык-чече* могла быть выбрана любая женщина, так полагали в Муйнакском районе. В Чимбайском районе говорили, что *киндык-чече* выбиралась по желанию родителей, а в Кегейлинском районе ее выбирала мать отца ребенка, правда, в другой беседе в этом же районе сказали, что *киндык-чече* выбирали присутствующие при родах женщины.

По сведениям из Муйнакского района ребенка принимала *киндык-чече*. Однако спустя год, в 1957 г. в этом же районе сказали, что у них была специальная старуха — *кольепли камтыр* (умелая, ловкая старуха), которую вызывали к роженице с такой же целью. В Чимбайском районе ребенка также принимала специально приглашенная женщина, занимавшаяся этим делом постоянно.

Во всех районах было отмечено, что пуповину срезала *киндык-чече*. Поэтому ее так и называли (*киндык* — это пуповина). По словам врача Муйнакского района, при срезании пуповины часто заражались столбняком. *Киндык-чече* при родах всегда сидела впереди роженицы. Существовало мнение, что ребенок походил на *киндык-чече*. Одна из информаторов привела случай, который она знала: одна *киндык-чече* была веселой женщиной и ребенок был веселым. Другая *киндык-чече* была женщиной серьезной и ребенок был серьезным.

*Киндык-чече* мыла родившегося ребенка, отрезала пуповину. Нож, которым это делалось, отдавался ей. Она могла взять его себе или отдать кому-нибудь, например, молодой бездетной женщине, чтобы у нее появились дети. Эта женщина должна хранить нож до

появления ребенка, в противном случае нож употребляли в хозяйстве. Нож мог быть отдан старухе, невестка которой не имела детей. Старуха и сама могла попросить нож у *киндык-чече*. Этот обычай назывался *саркыт* (дословно — остатки пищи от почетных лиц).

*Киндык-чече* брала себе мыло, которым мыла руки перед и после отрезания пуповины. Она же приносила для новорожденного рубашку и тюрбейку — *тахья*.

После родов *киндык-чече* обязана была приготовить для роженицы пищу, так называемый *киндык-ас* (плов или мясо). Готовила его у себя дома и приносила роженице. Таков обычай — *ырым*. *Киндык-ас* делался для того, чтобы у роженицы все время было молоко, иначе его не будет — *сут чекманшы*. Этот обед и назывался *сут-чагар* (чтобы было молоко). В Чимбайском районе *киндык-чече* угощала обедом сначала родителей ребенка. Остатки обеда отдавали собравшимся у роженицы женщинам. После родов семья роженицы одаривала *киндык-чече* (дарили платье — *коплек*, платок — *жаулык*, деньги — *акча*). Этот обычай назывался *сылык* (подарок).

После обеда — *сут-чагар*, мать давала ребенку грудь. В другой беседе сказали, что впервые грудь новорожденному дает не мать, а женщина, имеющая сына.

Во время родов в Кегейлинском районе на шест — *бакан*, которым открывают верхнее отверстие юрты — *шангарак*, вывешивали хлопок — *пахта* и уздечку. А в Муйнакском районе женщина сама влезала в уздечку, чтобы ребенок остался жив. Есть информация, что роженица во время родов опиралась на *бакан*, уздечка бывала надета на рожаящую женщину. По окончании родов уздечку с *баканом* выставляли на улицу. На *бакан* привязывали также хлопок *пахта* — это свидетельствовало о рождении ребенка — *ырым*. На грудную часть уздечки привязывали от сглаза.

До появления ребенка на свет кто-нибудь из родственников роженицы стучал пестиком в ступе до тех пор, пока ребенок не родится. При этом все время спрашивал: «Не родился ли?». Если ребенок рождался бесчувственным, то били в котел.

Во время родов к роженице не допускали бездетных и больных женщин. Считалось, что у больной женщины есть свой *джин*, ко-

торый переселяется в роженицу, и у нее не выходит послед. Роженица умирает. Больная же женщина выздоравливает. При трудных родах обращались за помощью к Биби-Фатьме и просили не пускать *албасты*. На очаг лили масло. В Чимбайском районе сказали, что такой обычай назывался *май-салу* (лить масло). Умершие родственники, почувствовав запах горящего масла, якобы помогают роженице. В Кегейлинском районе также считалось, что предки слышат звук и запах кипящего масла и помогут роженице. При этом поминали Биби-Фатьму. По словам наших информаторов, для того, чтобы ребенок родился, Биби Фатьма была женщин, и у рожениц оставался ниже спины синяк.

Роженицу при трудных родах били шкурой белого козла. Делала это старуха, присутствовавшая при родах (Кегейлинский район), развязывали узлы на косах, распускали волосы. При трудных родах звали муллу, который читал молитвы и бил роженицу поясом — *бельбау*, ходил вокруг дома, стучал в ступу или бил в котел до тех пор, пока ребенок не выйдет.

Послед (*еси*) закапывали вместе с пшеницей у дверей юрты (это — *ырым*); делалось это для того, чтобы у женщины было много детей. В других местах его посыпали просом. По словам районного врача, при задержке последа роженицам перетягивали живот длинным куском ткани. Около роженицы с двух сторон становились две женщины и с силой тянули за концы ткани до тех пор, пока не выйдет послед.

В послеродовой период родильнице запрещалось есть некоторые блюда, например, пищу, приготовленную из пшена, а также мясо тех животных, которые погибли сами (не зарезаны). У родильницы силы ослаблены и переварить такую пищу она не в состоянии. Ей разрешалось есть только легкую пищу: сливочное масло — *сарымай*, сазана. Другую рыбу есть нельзя, как и употреблять в пищу мясо быка и козла.

Сообщал о рождении ребенка любой человек, за что получал деньги, скот (если ребенок родился в богатой семье) — *суюнчи*. После рождения ребенка устраивали празднество — *той*; *улыболгань-той*, если родился мальчик, *улыкызланы-той*, если родилась девочка. Первое угощение после рождения ребенка называлось

*шашу-той*. На нем присутствовали лишь те лица, которые были при родах. После рождения ребенка посаженная мать родителей — *мурындык-ене* — шла к ним в гости и несла подарок (*ениши*), сообщили нам на одном из островов Аральского моря (о-ве Караджар, Муйнакский район).

Сразу после рождения ребенка завертывали в чистый платок. Это делала *киндык-чече*. На второй день она же надевала на ребенка так называемую собачью рубашку — *ит-койлек* (*ийт койлек*) (ит-собака) — первое платье новорожденного. Ит-койлек шила либо сама *киндык-чече*, либо мать ребенка, либо мать отца ребенка. В Кегейлинском районе платье шили в доме роженицы. В Чимбайском же районе рубашку шила маленькая девочка 5–6 лет, которая приходила к роженице вместе со взрослыми. *Ит-койлек* не подшивали, надевали швами наружу, чтобы уберечь ребенка от сглаза, не снимали в течение 40 дней; затем, сняв, завязывали на шею собаке (Кегейлинский район). В Муйнакском районе в снятое с ребенка платье завертывали хлеб и выбрасывали его собакам: таков обычай — *ырым*.

В течение 40 дней ребенка полагалось купать в соленой воде (Чимбайский район). В Муйнакском районе, как сказал врач, купали в соленом растворе — *тузлук* — детей 10–30 дней от роду, заметив, что это очень вредно (такой случай был зафиксирован в Муйнаке в 1955 г.).

На 3–4-ый день после рождения ребенку стригли волосы — всю головку, оставляя хохолки на макушке и на висках (на макушке — *айдар*, на висках — *толумчак*)<sup>1</sup>. Когда эти волосы срезали, устраивали празднество — *толумчак-той*. Стрижку утробных волос доверяли лишь лучшему другу отца мальчика или мулле (Кегейлинский район). Утробные волосы, оставленные на голове у мальчиков, срезали в возрасте от 10 до 15 лет. Срезать их мог также почитаемый старик (гость), находившийся в этот момент в доме, где был мальчик. За это старик получал платок. А оставляли на головах детей утробные волосы для того, чтобы жизнь их была хорошей.

Имя ребенку давали через 3–4 дня после рождения. Это не обя-

зательно совпадало с моментом положения ребенка в колыбель и *тот* по этому поводу (последнее бывало по отпадении пуповины у ребенка). Иногда родители хотели, чтобы имя их ребенку дал известный человек. В таких случаях ждали его прихода (Чимбайский район).

С отпадением пуповины ребенка укладывали в колыбель (*бесык*), которую покупал отец ребенка (Кегейлинский район). Поручалось это обычно старой женщине из родственниц, имевшей хороший характер, пользовавшейся уважением и многодетной, и происходило в присутствии *киндык-чече* и других женщин. Если родилась девочка, то женщины приносили с собой несколько платков, деталей головного убора — *кимешек*ов и другой одежды и вешали все это на колыбель для того, чтобы за девушку взяли большой калым. Если же родился мальчик (новорожденного мальчика называли *ул-бола*), то одна из старух, обращаясь к присутствующим, говорила: «Я продаю этого мальчика». Родители и родные новорожденного возражали, давали старухе деньги, вслед за ними и все остальные поступали также.

Когда ребенка укладывали в колыбель, близкие родильницы наливали в пиалу 40 ложек воды и затем выпивали ее в *бесык*. Другой вариант этого обычая такой: по истечении 40 дней после рождения ребенка его мать (*узун анасы*) брала пиалу и наливала в нее 40 ложек воды. Затем эту воду опять ложками выливали на шею ребенку. На мальчика выливали 38–39 ложек, на девочку — больше сорока. Существовало поверье, что если в пиале окажется воды больше 40 ложек, то за девушку получат большой калым.

По случаю укладывания ребенка в колыбель, устраивали празднество — *бесык-той*. На *бесык-той* пекли *баурсак*. Приглашенные приносили подарки — деньги, ткани. Хозяйка одаривала гостей: раздавали кусочки материи — *шиллегана* (*шилле* — послеродовой период) как пожелание, чтобы и у них были дети. Среди приглашенных бывали и такие, у которых не было детей (Муйнак). В Кегейлинском районе обычай раздачи кусочков материи женщинам назывался *теберик* (приносящий счастье).

Нам перечислили *той*, которые связаны с детством: 1 — первое

угощение, дававшееся родителями ребенка, называлось *шашу-той*. На нем присутствовали лишь те лица, которые были при родах: 2 — *бесык-той* — когда укладывали ребенка в колыбель; 3 — *той*, когда ребенок начинал ходить; 4 — когда срезали первые волосы, — *айдар-той*; 5 — *суннат-той*, посвященный обряду обрезания, 6 — по достижении 16 лет — *йюдун-азамат* (совершеннолетие). *Бесык-той* и *айдар-той* устраивали женщины. Мужчины участвовали только в организации *суннат-тоев*.

*Детские болезни*. По мнению наших собеседников, в Кунградском районе все болезни детей случались от сглаза. Народные методы лечения сводились к следующему: 1 — брали клочок одежды сглазившего человека, растение *адрасман*, сжигали их и дымом окуривали ребенка; 2 — на темя ребенку клали тесто (сделанное из пшеничной, джугариной или еще какой-либо муки) и давали его съесть собаке. Собака сама слизывала с головы ребенка это тесто. Обмазывали и лицо ребенка и давали слизать собаке; 3 — чтобы вылечить ребенка от сглаза, его поили водой из кормушки собаки. Воду эту пила и женщина; 4 — детей, которых сглазили, то есть болеющих (*ит-тийме*), мыли водой, прокипяченной с *адрасманом*.

Врач из Муйнакского района сообщил нам, что к врачу обращались, причем обязательно при заболевании слизистой рта, особенно при стоматите, гингивите, молочнице. Боялись, как бы у ребенка язык не отпал. А при заболеваниях корью детям не давали молока и мяса, кормили только подслащенной водой и грудью. Это подтвердила и санитарка больницы того же района. В Чимбайском районе считали, что при заболевании корью давать молоко ребенку нельзя, однако свежим мясом кормить можно.

Рассказали нам и о болезни, которая называется *бадик*, очевидно, лишай. Когда ребенок или взрослый заболел этой болезнью, собирались женщины, подростки, дети. Взрослых мужчин не приглашали. Лечение руководила специальная женщина — *бадикчи*. Обычно *бадикчи* жили на святом месте — *аулия*. Все присутствующие садились в круг. Больной и *бадикчи* — в середину круга. В правой руке *бадикчи* держала горящие куски коровьей шкуры. Куски шкуры держала щепоткой так, чтобы их концы были опущены

(висели) вниз. Огонь касался пальцев лечащей. Все присутствующие пели специальные куплеты (см. ниже). После каждого куплета *бадикчи* обводила горячей шкурой вокруг больного места; если лишай на голове — вокруг головы, если лишай на лице — вокруг лица. В заключение пели последний куплет. Как только его споют, все плюют на горящую шкуру и разбегаются, чтобы болезнь не при- стала. После этого *бадикчи* сразу бросала куски шкуры в воду.

Бадик ала, Бадик ала  
Бадикчи кашира гор кудайтала.  
Бадикчи каширмасан аллатала,  
Изингнен жиерермен отли шала.  
Унеси бадик, унеси бадик  
Если не унесешь бадик  
Я нашлю на тебя огонь.

Чтобы обезопасить детей и взрослых от разных напастей, существовала целая система оберегов. Вот некоторые из них. Чтобы оберечь ребенка в младенческом возрасте от сглаза или от воздействия *джинов*, в колыбель под подушку или около колыбели клали нож, коран, ружье-мултык (кто его имел), хлеб; к перекладине на колыбель привязывали перец, лук. Если новорожденного оставляли в доме одного, то около колыбели клали топор, нож, ружье. Детям постарше мазали крылья носа сажей, пришивали собачий помет к шапкам, а к одежде — клыки дикого кабана.

В семьях, где часто умирали дети, над дверью юрты или наверху в ее круглом отверстии подвешивали чучело орла — *каракуса*. Если у женщины умирали дети, то говорили, что ею владеет *каракуе*.

Из старинных обычаев, живших и в 1950-х годах, был такой: первого ребенка молодая чета обычно дарила родителям мужа (если были живы). Этот ребенок носил фамилию своего деда, дед его воспитывал и вообще этот ребенок считался сыном деда.

В Караузякском районе нам рассказали о старом обычае, касавшемся незаконнорожденных детей. Ребенок, появившийся на свет в результате незаконного брака, считался нечистым (*харам*). Если отец ребенка был неизвестен, это было очень грешно, нехорошо.

Если же отец ребенка известен, но брак состоялся до официального бракосочетания и калым был уплачен, это не так стыдно. Раньше, когда отец ребенка не был известен, отец девушки убивал и ее, и ребенка.

В заключение хочется сказать, что даже в неполном цикле детской обрядности каракалпаков, представленном в нашей работе, очевидны элементы шаманства, культа предков и связанного с ним культа домашнего очага с очищающим действием огня, демонологии, культа животных, в котором выделяется роль собаки, особого отношения к рыбе сазан и, конечно, магии, культа святых. К народной медицине можно отнести (хотя и отрицательное) действие соли и, особенно, врачующую роль целебного растения *адрасман*. И все это входит в арсенал представлений верующего мусульманина, характеризуя, таким образом, черты народного ислама.

<sup>1</sup>По материалам каракалпакского этнографа А.Т. Беклезратовой, тулымшак — оставляемые при стрижке волосы, по обе стороны от темени у девочек. Беклезратова А.Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 47.